

Г.Д. Гловели

**ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И
МАРЖИНАЛИЗМ**

Москва

2021

Гловели Г.Д. Вторая промышленная революция и маржинализм. - М.: Институт экономики РАН, 2021. – 21 с. (Препринт)

Доклад посвящён проблеме влияния второй промышленной революции на становление маржинализма как экономической парадигмы. Дана краткая характеристика второй промышленной революции и её определяющей черты - транспортно-коммуникационной революции. Показана связь транспортно-коммуникационной революции с процессом «первой глобализации» 1870-1914 гг. Выдвинуто предположение, что косвенное, но существенное влияние второй промышленной революции на маржинализм было обусловлено удешевлением всемирной транспортировки продуктов питания и превращением бирж в преобладающую форму западноевропейской торговли. Центральное внимание уделено воздействию транспортно-коммуникационной революции на маржиналистскую концепцию потребительского излишка.

Ключевые слова: вторая промышленная революция, транспортно-коммуникационная революция, биржи, маржинализм, потребительский излишек

Классификация JEL: B1, B2, N10

Gloveli G. The Second industrial revolution and marginalism. - М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. - 21 p. (Preprint)

The paper is devoted to the problem of the influence of the Second industrial revolution on the formation of marginalism as an economic paradigm. A brief description of the Second industrial revolution and its defining feature - the transportation and communication revolution - is given. The connection of the transportation and communication revolution with the process of "first globalization" of 1870-1914 is shown. It has been suggested that the indirect but significant impact of the Second industrial revolution on marginalism was due to the reduction in the cost of worldwide transportation of food and the transformation of stock exchanges into the predominant form of Western European trade. The focus is on the impact of the transport and communication revolution on the marginalist concept of consumer surplus.

Keywords: second industrial revolution, transport and communication revolution, stock exchanges, marginalism, consumer surplus

JEL Classification: B1, B2, N10

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I.	ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	4
Часть II.	ЭЛЕМЕНТЫ МАРЖИНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	11
	2.1. Прогресс и его превратности.....	11
	2.2. Транспортно-коммуникационная революция и потребительский излишек.....	14
	2.3. Оправдание спекуляции.....	17
Литература		20

I. ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Период 1870-1914 гг. традиционно занимает место важного этапа в экономической истории и истории экономической мысли, хотя критерии выделения его начального рубежа не похожи в упомянутых смежных дисциплинах. Для экономической истории рубежом является экзогенное событие военно-политического характера – фиаско второй Французской империи, потерпевшей поражение в войне с Пруссией 1870-1871 гг., и образование второй Германской империи. Побочным результатом франко-прусской войны была Парижская коммуна весны 1871 года – феномен, значимый только (но зато весьма) для революционно-коммунистической традиции, рассматривавшей Парижскую коммуны как исторически первый опыт «диктатуры пролетариата».

Для истории экономических учений указанный период, наоборот, отсчитывается с эндогенного события, на первый (да, пожалуй, и на второй тоже) взгляд, вытекающего только из логики внутреннего развития европейской экономической мысли. Это – совпадение во времени (1871) выхода книг У. Джемсона в Англии и К. Менгера в Австро-Венгрии, ретроспективно оценённых наряду с несколько более поздними «Элементами политической экономии» Л. Вальраса как начало «маржиналистской революции» в теории ценности и распределения.

В советской («марксистско-ленинской») экономической науке проблема совмещения критериев периодизации решалась посредством концепции монополистического капитализма, или стадии господства финансового капитала, на которой происходит дальнейшая вульгаризация буржуазной политэкономии. Причина этой вульгаризации считалась двоякой. С одной стороны, «рантьеизация» класса буржуазии, усугублявшая тенденцию к поверхностному рассмотрению явлений вместо проникновения во внутренние противоречия капиталистического способа производства (Бухарин (1988), с. 18-21). С другой стороны, подчеркивалось усиление апологетической тенденции как реакции на растущую борьбу «пролетариата против капитала» (Блюмин (1962), с. 3).

Неудача социалистического эксперимента в СССР и деинституционализация марксистско-ленинской политэкономии сняли с повестки дня вопрос о вульгарной политической экономии, а вопрос о буржуазной апологетике перевели в сферу арьергардной левизны. Основы «понимания того, как работает конкурентная экономика» (Итуэлл, Милгейт, Ньюмен (2004), с. IX) отождествились с маржинализмом как «парадигмой экономического мышления XX в.» (Блауг (1994), с. 286), а «неоклассическая» economics – с современным экономико-теоретическим мейнстримом, заместившим в качестве «ортодоксии» либеральную «классическую» школу. Марксизму с «множеством

замечательных образцов анализа, из которых современные экономисты еще многому могут научиться» (Блауг, (2005), с 203), было оставлено в лучшем случае место среди растущих в числе «гетеродоксальных» теорий.

В то же время для экономической истории сохранило силу очевидности (хотя и многократно отрицалось) деление процесса капиталистического накопления на различные периоды, характеризующиеся определённым набором технологий, классовых отношений, форм государственной политики и международных структур (Глин, 2004, с. 529). Однако попытки «состыковки» этого деления на периоды с поворотными этапами в развитии экономической мысли не особо популярны, хотя оживились после мирового экономического кризиса 2008-2013 гг. (Худокормов (2012), Мальцев (2012)).

Устранение марксистско-ленинского сухостоя и универсализация экономического дискурса через экспансию неоклассического «мэйнстрима» происходили в контексте глобализации. Глобализация привела и к новым ретроспекциям экономической истории, среди которых выделяется трактовка периода 1870-1914 гг. как первой глобализации, или глобальной интеграции, когда технологические достижения привели к значительному сокращению транспортных издержек, стимулировавшему рост всемирной торговли.

Причём различные авторы указывают на две решающие промышленно-технологические предпосылки этого процесса: паровые технологии дальней перевозки по воде и суше и создание глобальной информационной сети электротелеграфной связью (Бродбери, О'Рурк (2014), с. 18; Синцеров (2010), с 134). Среди важнейших последствий этой транспортно-коммуникационной революции - глобальная конвергенция цен на факторы производства. Несмотря на отмежевание от ленинской теории империализма, не отрицается самый факт западного империализма в условиях резко асимметричного мира, в котором в западных и прозападных странах всё сильнее сосредоточивались промышленное производство и военная сила (Доден, Морис, О'Рурк (2014), с. 21, 35).

Надо заметить, однако, что для современных исследователей «глобализации 1870-1914 гг.» нижняя хронологическая граница отмеченного периода оказывается тесной и смещается к первой половине XIX века. Одни делают оговорку, что период 1870-1914 гг. представляет собой вершину глобализационных процессов XIX в., которые начались после 1815 г. (Доден, Морис, О'Рурк (2014), с. 17). Другие включают указанный период в первый цикл глобальной интеграции, совпадающий с полутора длинными волнами Кондратьева (целиком вторая и восходящая фаза третьей – 1846-1914). В последнем случае начало глобального интеграционного цикла совпадает с торжеством идеологии свободной торговли сначала в Англии (1846-1849), а затем в остальной Европе, запустившим процесс необычайного расширения всемирной торговли и проведения

Всемирных промышленных выставок, не прекратившийся и после поворота крупнейших государств континентальной Европы от фритредерства к протекционизму. Самые высокие темпы роста международной торговли на протяжении XIX в. пришлись на 1850-60-е гг., но и в 1870-1914 мировая торговля устойчиво росла (3,4% в год), опережая годовые темпы роста мирового производства (Синцеров, 2000).

Указанный глобальной интеграции примерно совпадает с процессом «второй» промышленной, или технологической революции, начавшейся с внедрения конвертерного способа выплавки стали (1856) и завершившейся внедрением конвейера для сборки автомобилей (1913).

Понятие «второй» промышленной революции имеет довольно сложную историографию. Оно начало употребляться в 1950-е в двух разных смыслах, один из которых был обращен в будущее, другой – в прошлое. Причём внутри первого смысла было своё различие. С одной стороны, была попытка германских и австрийских социал-демократов интегрировать концепцию «второй промышленной революции», ассоциируемой с атомной энергетикой и автоматизацией производства, в реформистскую стратегию «демократического социализма». Теснее всего концепция «второй промышленной революции» в таком понимании связана с именем Ф. Штернберга (1895-1963), одного из основателей «западного марксизма», а в последние годы жизни – эксперта-экономиста СДПА и СДПГ, автора книги «Милитаристская и индустриальная революция» (*Die militärische und die industrielle Revolution*, 1959). С другой стороны, примерно в таком же техническом смысле о «второй промышленной революции» писали британские интеллектуалы и общественные деятели, физики по специальности, Дж. Д. Бернал и лорд Сноу, но вскоре активно просоветски настроенный Бернал ввёл более конкретизированное понятие «научно-техническая революция» (НТР). Оно снискало огромную популярность в СССР, с одной стороны, выражая веру (постепенно затухающую) в преимущества, обеспечиваемые социалистическим строем для развёртывания НТР, с другой стороны, давая возможность более или менее взвешенного анализа научно-технических достижений капиталистического Запада в рамках «марксистско-ленинской» политэкономии. Понятие же «второй промышленной революции» как синоним НТР было быстро забыто.

Что же касается понятия «второй промышленной революции» в историко-экономической ретроспективе, то считается (Hull, (1999), p. 82) , что оно проскользнуло у шотландского энергетика и эволюциониста-урбаниста П.Геддса ещё в 1910-е гг. и вновь всплыло в 1950-е, а в обиход стало входить под воздействием историко-экономических работ гарвардского профессора Д. Лэндиса (1924-2013), появившихся сначала как главы в

Кембриджской экономической истории Европы, а затем собранных в отдельную книгу «Раскованный Прометей: технологические изменения и промышленное развитие в Западной Европе с 1750 года по настоящее время (The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present)» (1969) Концепция «второй промышленной революции» как особого этапа многостороннего процесса индустриального стала в итоге промежуточным звеном в последовательности:

- 1) промышленная революция конца XVIII — начала XIX в. (для Англии), характеризующаяся переходом к минеральному топливу и крупному машинному производству;
- 2) вторая промышленная революция конца XIX — начала XX в., основными элементами которой были переход на новые энергоносители, начало автоматизации производства, создание новых отраслей и превращение науки в особую отрасль труда;
- 3) промышленная революция середины XX в., переросшая в НТР.

В советской литературе подобная концепция трёх промышленных революций была изложена, в частности, в книге А.И.Анчишкина «Наука. Техника. Экономика» (1986).

Однако, если не ограничиваться буквой терминологии, то ценные обобщения о второй промышленной революции мы можем найти у авторов, которые самого термина и не употребляли, например, у американского историка У. Мак-Нила в его известной книге «Подъём Запада» (1963). Мак-Нил прямо увязывает две промышленные революции (не используя такого понятия) с темой мирового капиталистического лидерства, выделяя 1) британскую (до 1870) и 2) германо-американскую (1870-1914) стадии промышленного капитализма и акцентируя как ключевое переходное событие изобретение (британское) в середине 1850-х бессемеровского конвертера, позволившее получать в массовых количествах дешёвую сталь (конструкционный материал для железнодорожного и парового транспорта). Важнейшие новые направления в технологии в период 1870-1914 Мак-Нил связывал с использованием прежде всего главных ресурсов первого периода промышленного капитализма – угля и железа, но со следующими существенными изменениями:

- увеличение размеров (домен, энергосиловых установок, транспортных средств, печатных прессов);

- вмешательство химии, вырвавшейся в первые ряды технологического прогресса и получившей специальные стали и производные каменноугольных смол, сделавших уголь не только основным энергоносителем, но и ценным сырьём для обрабатывающей промышленности;

- растущее применение электричества, которое смогло приводить в движение множество новых разнообразных машин и способов связи.

Ведущее место химии и электричества на новой стадии промышленного капитализма означало, во-первых, непосредственную интеграцию точного естествознания с производственной техникой. Во-вторых, новое качество контроля над веществом и энергией благодаря осознанным действиям на молекулярном и субмолекулярном уровнях. «Диапазон старой технологии, сосредоточенной на макромолекулярных манипуляциях, выполняемых железными машинами, был намного расширен поразительной минитюаризацией природных сил, используемых в промышленном производстве. [...] Если стационарный паровой двигатель с громоздкими шатунами, клапанами, грохочущими движущимися частями и клубами пара и дыма был механическим архетипом первой стадии промышленного капитализма, «машина», в которой причина действия не улавливалась чувствами человека – радио, трансформатор, электролитическая ванна, фотопластинка или электрическая печь, - стала символом второй стадии» (Мак-Нил, (2004), с. 945).

К сказанному Мак-Нилом можно добавить, что в тот период точное измерение было выставлено в качестве атрибута делового и военного успеха. Предвкусная превращение электричества в коммерческий продукт, знаменитый физик У.Томсон (лорд Кельвин), особенно прославившийся теоретическими работами по термодинамике и прикладными по трансатлантической телеграфии, писал не менее знаменитому коллеге, основателю классической электродинамики Дж.К. Максвеллу : «сможем купить микрофараду или мегафараду», «если предполагается ввести какое-то название, то лучше дать его чему-то, что является реальным осязаемым предметом купли-продажи» (Цит. по: Шейфер, (1997)).

А. Маршалл, начавший в самый разгар второй промышленной революции свой теоретический синтез, сформировавший ядро «неоклассики», в предисловии к последнему прижизненному изданию «Принципов экономической науки» (1920) отметил, что «промышленная революция нынешнего поколения» далеко превзошла перемены начала прошлого века как по своим темпам, так и масштабам (Маршалл, (1993), с. 51).

Но ещё до выхода *первого* издания «Принципов» Маршалла Популярный московский профессор политэкономии А.И.Чупров, размышляя о причинах долгой понижательной тенденции мировых цен и «хронического застоя» в европейской промышленности после 1873 г., выделил как главную причину «сцепление» **научно-технического прогресса** и разнузданной спекуляции. Прежде всего - в железнодорожном строительстве и кораблестроении – отраслях, технические усовершенствования в которых

обусловили снижение цен вследствие резкого уменьшения затрат на перевозку главных товаров.

В работе «О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе» (1889) А.И. Чупров фактически описал технологические причины и экономические последствия *первой глобализации*:

- быстрое приращение новых изобретений к улучшению орудий и приёмов производства;
- удешевление транспортировки грузов благодаря океаническому и рельсовому паровому транспорту;
- выравнивание благодаря железным дорогам положения промышленных округов, отдалённых от морей и крупных рек, с прибрежными районами;
- вовлечение в мировую торговлю отдалённых территорий с очень благоприятными условиями для земледелия и животноводства;
- перемещение обрабатывающей промышленности в районы дешёвого сырья;
- снижение издержек хранения сырья и запасов готовой продукции благодаря возможностям оперативной договорённости по телеграфу и телефону;
- установление более прямых связей между производителями и потребителями.

В 1890 г. (т.е. одновременно с первым изданием «Принципов» Маршалла) вышла привлекающая большое внимание книга «Недавние экономические изменения и их влияние на производство и распределение богатства и благосостояния в обществе» («Recent Economic Changes and Their Effect on the Production and Distribution of Wealth and Well-Being of Society») (1890) американского эксперта Дэвида А. Уэллса (1828-1898). Шумпетер характеризует его, как «значительного экономиста, обладавшего искусством извлекать максимум из несовершенного материала. Кроме того, здравый смысл и честность позволяли Уэллсу интуитивно представлять элементы ситуации в их правильной перспективе» (Шумпетер (2001), с. 685).

Материал, собранный Уэллсом, использовал германский социал-демократ М. Шиппель в работе «Технический прогресс в современной промышленности», определявший период после 1860 г. как период «беспримерного расширения господства человечества над силами природы», предоставивший торгово-промышленному аппарату народов новые рычаги богатства и наслаждения (Шиппель, (1898), с. 3-4). Отправными для этих достижений изобретениями Шиппель считал бессемеровский конвертер, стальные рельсы и кабельную телеграфию. Особое значение придавалось компаунд-машине, вдвое снизившей расход топлива на океанском пароходстве, и применению электричества, которое «теперь может быть собрано в любом количестве и продано»

(Шиппель, (1898), с.5). Помимо многократного снижения фрахтов на заокеанскую доставку пшеницы, мяса, кофе, табака, хлопка, шерсти и т.д., было также акцентировано снижение цен на продукцию массового потребления вследствие таких изобретений, как керосиновая лампа, бутылкоделательная машина, искусственные красители и т.д. В результате в больших и средних городах всех промышленных стран происходит концентрация розничной торговли в крупных магазинах, предлагающих покупателям разнообразные товары по более низким ценам, «а весь мир составляет теперь собою - для потребителя ближайший запасной магазин всех нужных ему товаров, а для производителя – такой же ближайший рынок для сбыта его произведений» (Шиппель, (1898), с. 11). Надо, впрочем, сказать, что вслед этой радужной характеристике последствий технического переворота, теперь называемого второй промышленной революцией, Шиппель констатировал, что международная политика и право, «все господствующие умственные и нравственные воззрения народов», - всё это «печально влачится» за материальной жизнью, какой её сделали железные дороги, пароходы и телеграфы (Шиппель, (1898), с. 12).

Существенным элементом влияния как эры «фритредерства» 1850-60-х, так и второй промышленной революции (телеграфия, электролампочки), стала биржевая централизация спроса и предложения на международных и внутренних рынках. Причём особенно следует отметить страны Центральной Европы, где в это время либо возникают новые биржи (товарные биржи в Вене, Лейпциге, Штутгарте), либо строятся новые большие биржевые залы (в Берлине, Бремене, Франкфурте-на-Майне). Торговля Западной Европы преодолевает форму ярмарок, биржи становятся важнейшими регуляторами цен на мировом рынке (Лангенбек, (1927), с. 110).

Таким образом, резюмируя сказанное современниками и позднейшими историками о влиянии второй промышленной революции на хозяйство и общество, можно выделить следующие пункты:

- 1) переворот в средствах транспорта и связи, значительно сокративший издержки дальней перевозки массовых товаров;
- 2) расширение ассортимента и ценовой доступности товаров для массового потребителя;
- 3) интенсификация биржевой торговли;
- 4) превращение прикладного естествознания в непосредственную производительную силу и в связи с этим рост престижа точных наук как образца специализированного знания.

Теперь рассмотрим в контексте этих изменений некоторые элементы «маржиналистской революции».

II. ЭЛЕМЕНТЫ МАРЖИНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

2.1. Прогресс и его превратности

Й.А. Шумпетер, выварившийся в самых «предельно полезных» соках и запечатлевший свой пиетет к основателям всех национальных маржиналистских школ в панораме своей истории экономического анализа, однако, не прошёл мимо концептуальных разгладок, обусловивших изначальное появление обобщений «маржинализм» и «неоклассика» в качестве укоризненных лейблов.

«Гермин «маржинализм» почти сразу... получил даже политическую коннотацию и стал обозначать в глазах некоторых реакционное чудовище, готовое защищать капитализм и саботировать социальную реформу». И хотя «предельный принцип сам по себе является инструментом анализа, использование которого становится необходимым на определенной ступени развития этого анализа», и «Маркс использовал бы его самым естественным образом, если бы родился пятьюдесятью годами позже», «политическая или этическая интерпретация результатов предельного анализа может вызвать подобное отношение». (Шумпетер, (2001), с.1147-1148) Оговорки Шумпетера касались и «неуместного утилитаризма» Джевонса и Эджуорта («порочный альянс между экономической теорией и философией Бентама»), и некритичного «ультралиберализма» Парето, и особенно заявления Кларка, что распределение в соответствии с «законом» предельной производительности «справедливо» (Шумпетер, (2001), с.1095, 1134, 1148).

Затронул Шумпетер и те стороны маржинализма, которые дали основание американским институционалистам иронизировать по поводу «превосходства» неоклассических доктрин над схоластикой и нарочитой гладкости мира «экономического равновесия». К числу таких сторон относилось и игнорирование «страхов, страданий и возмущений, порожденных сдвигами в существовавших производственных структурах — первым следствием технологического или коммерческого прогресса» (Шумпетер, (2001), с.1000). Эти сдвиги породили не только тенденции формирования промышленных объединений картельного и синдикатского типа, от которых дистанцировались маржиналистские школы, но и неудовлетворенность результатами политики свободной торговли и даже возрождение милитаризма (Шумпетер, (2001), с.1001).

Отмечая, что улучшение условий наземной и морской транспортировки привело к значительному увеличению ввоза дешёвой американской пшеницы в Европу, что вызвало повышение благосостояния, создавшее совершенно новый уровень жизни для масс, Шумпетер подчеркнул, что этот аспект был заслонен жестокой депрессией в сельском хозяйстве европейских стран. «В известном смысле это были поверхностные трудности, присущие процессу адаптации, ведущему от одного долгосрочного периода процветания к другому. Тем не менее для многих индивидов и групп единственным доступным методом адаптации было разорение. Для рабочих это означало безработицу или постоянную угрозу её». Таковы превратности «прогресса», объясняющие «радикализацию масс при растущем уровне жизни» (Шумпетер, (2001), с. 1000-1001).

Шумпетер выделил ещё один момент эпохи, когда прикладное естествознание стало заметным фактором структурных сдвигов в экономике, повышая престиж точных наук, особенно математики, механики, электродинамики. То, что можно назвать если не «наукой для миллионов», то «наукой для десятков тысяч» - масса популяризаторской литературы. (Шумпетер, (2001), с.1018). К этому можно добавить важное замечание биографа Л.Вальраса У.Жаффе, что появились доступные неспециалистам курсы математического анализа, и знание дифференциального исчисления перестало быть достоянием лишь профессиональных математиков и физиков. (Гальперин, (2000)). Поэтому Вальрас, дважды провалившийся на вступительном экзамене по математике в парижскую Политехническую школу, и Джевонс, также не очень искушённый в математике, но уверенный в том, что основные проблемы экономической науки можно и нужно свести к строгой математической форме, смогли положить начало соединению математического анализа с экономическим.

Таким образом, в математизации политической экономии двояко проявилось *косвенное влияние «второй» промышленной революции*. Доказавшая свою практическую силу теоретическая механика (в том числе небесная) с её развитым математическим аппаратом стала образцом построения «чистой» экономической теории, а популярные учебники дали новоявленным теоретикам основы владения математическим аппаратом.

Однако и здесь не обошлось без превратностей «прогресса» - той его стороны, которую Шумпетер обозначил как быструю профессионализацию и «профессоризацию» (Шумпетер, (2001), с.993), связанную с учреждением профессорских должностей по политэкономии в университетах, образованием национальных экономических ассоциаций и т.д. Превращение экономической теории в «занятие на полную ставку» диктовало, с одной стороны, дисциплинарное отграничение и обособление от других общественных наук (права, истории, социологии), с другой стороны, - формирование профессионального

языка, подобного языку ведущей отрасли естествознания – физике. Шумпетер положительно оценивал подобную «физикализацию» экономической науки, в которую главный вклад внесла лозаннская школа. По мнению Шумпетера, как известно, Вальрас был «величайшим экономистом» и наиболее преуспел в приближении формы экономической теории к теоретической физике (Шумпетер, (2001), с.1090), а Парето в своём стремлении сделать «чистую» политэкономия точной наукой исходил из понимания фундаментального единства точных наук (Шумпетер, (2001), с.1133). Правда, с этим явно не согласуется жёсткое разделение Парето технических и экономических проблем.

Но для современных критиков неоклассики – причём не только наследников марксизма и историко-институционального направления, но и из числа австрийских «собратов» по маржинализму – именно «вальрсианское» начало является наиболее уязвимым с точки зрения нереалистичности и бесплодности конкурентно-равновесного подхода. Впрочем, достаётся и другим основателям – за топорную концепцию экономического человека, выхолащивание социальной сущности экономической науки и придание ей антиисторического характера и т.д. (см. подборку высказываний в: Мальцев, (2012), с. 88).

Интересно наблюдение Ф. Майровского, что «родимым пятном» неоклассической экономической теории на всём протяжении XX в., оставалась адаптация «термодинамической» метафоры и физико-математических конструкций XIX в. - после того, как сама физика продвинулась вперед, к новым метафорам и методам (Майровски, (2012), с. 103, 110). Иронизируя над тем, как неоклассическая экономическая теория «присвоила» физику середины XIX в., переопределив полезность так, чтобы она заняла место энергии, Майровски отдельно отмечает неубедительность Менгера, напыщенно заявлявшего в полемике с исторической школой, что он продвигает методы точных наук, не приведя ни единого примера из физики (Майровски, (2012), с. 105, 109).

Значение, которое успешное проникновение математического дискурса в экономическую теорию сыграло в занятии ею своей ниши в академической среде, можно сопоставить с полемикой профессоров-смитианцев политэкономии с учением самого А. Смита о производительном и непроизводительном труде, которое после маржиналистской революции было признано «одной из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» (Блауг, (1994). С. 48).

2.2. Транспортно-коммуникационная революция и потребительский излишек

Как уже отмечалось, в предисловии к последнему прижизненному изданию своих «Принципов экономической науки» А. Маршалл писал о «промышленной революции нынешнего поколения, далеко превзошедшей перемены начала прошлого века как по своим темпам, так и масштабам». Точнее, с этого Маршалл начинал предисловие, а завершал тем, что в его анализе «предпринимается попытка постепенно и в порядке эксперимента ввести в политическую экономию, насколько позволит весьма разнородный характер материала, те методы науки о малых приращениях (обычно называемой дифференциальным исчислением), которым человек прямо или косвенно обязан преобладающей долей своего господства над материальной природой, приобретенным им в последнее время» (Маршалл, (1993), с. 55).

Приобретение господства над материальной природой – это результат той самой <второй> промышленной революции, отличительной чертой которой стало очевидное прикладное значение естествознания, применяющего математический анализ.

Но в предисловии Маршалла заслуживают внимания и ещё два акцента. Один – на функционирование динамического *принципа замещения (субституции)*, «воздействие на спрос и предложение со стороны любой группы агентов производства через косвенные каналы изменений в спросе и предложении других агентов производства, хотя бы и относящихся к весьма обособленным от первых отраслям производства». (Маршалл, (1993), с. 53). Другой – на приобщение к прогрессу, стимулируемое низкими тарифами сухопутного и морского транспорта и почти прекратившее действие тенденции «убывающей доходности» в том смысле, в каком этот термин применялся Мальтусом и Рикардо во времена, когда недельная заработная плата английских рабочих зачастую была меньше, чем стоил полбушель хорошей пшеницы (Маршалл, (1993), с. 54).

В историографии экономической мысли обращается внимание на две особенности главного труда Маршалла. Первая – это поразительная настойчивость, аналогичная таковой же у А. Смита веком ранее, с которой повторяется мысль о снижении издержек благодаря развитию средств сообщения (Блауг, (1994), с. 34). Вторая – это значение категории **потребительского излишка**, признанной самой значительной новинкой в «Принципах» Маршалла после их первой публикации (Хикс, (1993), с. 176), и из всех теоретических новинок Маршалла наиболее ориентированной на практическое применение и позволившей заложить основы современной экономической теории благосостояния (Автономов, 2000).

Потребительский излишек – это разница между ценой, которую покупатель готов был бы уплатить, лишь бы не обойтись без данной вещи, и той ценой, которую он

фактически за нее платит, экономическое мерило его добавочного удовлетворения (Маршалл, (1993), ч. I, с. 191). Очевидно, что существует много видов удобств и предметов потребления, цены на которые значительно ниже тех, какие многие люди были бы готовы платить, только бы вовсе не обходиться без них (соль, спички, газета стоимостью в 1 пенс и т.д.). Чтобы придать количественную определенность избытку потребительского удовлетворения, Маршалл привёл пример с фунтами чая. Предположим, что при цене 20 шиллингов потребитель может позволить себе купить только 1 фунт чая, получая от этого фунта чая удовольствие, равно тому, какое он получил бы, израсходовав 20 шилл. на другие вещи. При постепенном снижении цены до 14, затем 10, 6, 4, 3 шиллингов за фунт покупатель приобретает 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й фунты вплоть до возможности покупки 7 фунтов, когда цена снизилась до 2 фунтов за шиллинг, истратив всего 14 фунтов. Если же посчитать, сколько шиллингов готов потратить потребитель для приобретения дополнительного фунта чая при каждом снижении цены, получается ряд убывающей полезности, суммируя который ($20 + 14 + 10 + 6 + 4 + 3 + 2 = 59$), и вычтя реально истраченные 14 фунтов, получим величину избытка удовлетворения в 45 шиллингов как выгоду от благоприятно складывающейся конъюнктуры (Маршалл, (1993), ч. I, с. 192-194).

А что в маршаллианские времена прямо влияло на конъюнктуру во благо английским потребителя чая? Однозначный ответ Маршалл дал в одной из заключительных глав своей книги с характерным названием – удешевление различных видов транспортировки, ставшее «главным экономическим событием века». Снижению издержек перевозки, «развитию не обрабатывающих, а транспортных отраслей» Маршалл приписывал более чем 75% той выгоды, которую Англия извлекла из своего промышленного роста (Маршалл, (1993), ч. III, с. 93).

А теперь вспомним о вышедшей одновременно с главным трудом Маршалла книге Д.А. Уэллса «Недавние экономические изменения и их влияние на производство и распределение богатства и благосостояния в обществе». В ней главным экономическим событием века, повлекшим за собой наибольшее количество быстрых и значимых промышленных, торговых и финансовых изменений, называлось **открытие Суэцкого канала (1869)**. Оно положило конец эпохе наивысшего расцвета торгового парусного флота в 1850-60-е гг. (когда особенно прославились «чайные клиперы»). И открыло эпоху бурного роста торгового пароходства, по сокращенным маршрутам через Индийский океан обеспечившего европейского потребителя не только дешевевшим азиатским чаем,

но и дальневосточным рисом (особенно Францию и Италию), австралийской и новозеландской бараниной и т.д.¹

Но не единым Суэцким каналом двигалась транспортно-коммуникационная революция: едва ли не большее значение имело американское железнодорожное строительство, сомкнувшись с которым, трансатлантическое пароходство обеспечило Европу дешевевшим зерном и мясом. Д. Уэллс констатировал, что если в 1860 г. транспортировка насыпного зерна из Нью-Йорка в Ливерпуль составляла 12-27 центов за бушель, в 1886 г в среднем – 5 центов за бушель, а перевозки по тому же маршруту морские свежего мяса снизились до 1 цента за фунт.

Следует, впрочем, отметить два момента, скрытых за убывающей предельной полезностью фунта чая. Во-первых, реальная средняя цена за него уже в 1860 г. составляла чуть больше 1,5 шиллинга за фунт, а к 1885 г. снизилась до менее чем 1 шиллинга за фунт (Гулишамбаров, (1898), с. 35). Во-вторых, чай наряду с кофе и сахаром возглавлял список *колониальных* потребительских *товаров*, и если после «опиумных войн» 1856-1860 почти весь чай импортировался из Китая, то к 1890-м гг. с долей Китая почти сравнялась доля Индостана и Цейлона (Шри Ланки). Эту динамику не объяснит предельная полезность, но объяснит скрытый за маржиналистской «разгладкой» британский империализм.

Следует также сказать, что Маршалл не только вполне отдавал себе отчет о выгодах, который фритредерская Англия успела извлечь благодаря тому, что «в известной степени захватила монополию на новые методы обработки материалов и каждую единицу своего товара могла продавать... в обмен на огромные количества продукции других стран», но и сформулировал ведущую «двойственную тенденцию» современного развития: прогресс средств сообщения разрушает местные объединения и монополии, но и открывает возможности для роста других монополий, охватывающих более широкие области (Маршалл, (1993), ч. III, с. 93).

Таким образом, если считать «основополагающим постулатом» неоклассики «стремление хозяйственной системы к поиску равновесия, характерного для экономики монополий, но с большим количеством мелким товаропроизводителей» (Мальцев, (2012), с. 94), признавать Маршалла ответственным за «сей постулат» нет оснований. В чём его можно упрекнуть – в искусственном выносе за пределы маржиналистской теории факторов производства сферы исследования международной экономики (Маршалл, (1993), ч. I, с. 352). При том, что отправным пунктом для маршаллианского дискурса было видение «всего западного мира» как в известном смысле «единого рынка для многих

¹ Импорт риса в средиземноморские порты Западной Европы увеличился за 1878-1887 в 7, 5 раз.

видов ценных бумаг, для наиболее ценных металлов и в меньшей степени для шерсти, хлопка и даже пшеницы; при этом необходимо принять в расчёт транспортные издержки» (Маршалл А. (1993), ч. II, с. 7).

Также как нет оснований выводить отрицание австрийской школой равновесного механизма в свободной рыночной экономике из почти полной монополизации ряда ключевых отраслей промышленности в Австро-Венгерской империи (Мальцев, (2012), с. 94-95). Ведь Дунайская монархия была одной из стран-«аутсайдеров» индустриализации, причём торможение её промышленного не объяснить, в отличие от Франции или России, отсутствием угольных месторождений – их было достаточно. Однако поговорка «нет пророков в своём отечестве» к австрийским изобретателям применима едва ли не более, чем к российским. «Вена ценила гениев музыкальных, технические гении и изобретатели были, но не ценились» (Эфроимсон, (1997)). Отсюда – длинный «похоронный» список выдающихся австро-венгерских изобретений, так и не ставших (в противоположность Англии, США и Германии) инновациями.

2.3. Оправдание спекуляции

То, что «меньше всех других маржиналистов австрийцы заслужили упрек в чисто статической точке зрения» (Автономов, (1993), с.12) – скорее, следствие своего рода «преимуществ отсталости» экономики Дунайской монархии. Её, так сказать, «многоукладности» (термин, к сожалению, опошленный одной приснопамятной «школой» российской псевдополитэкономии рубежа XX – XXI вв.). Хотя известно, что «озарение» в теории ценности снизошло на Менгера под воздействием его журналистских наблюдений на Венской бирже, она сама не упоминается в его трактате, в отличие от многократных прямых отсылок к практике бирж Лондона и Парижа в трудах Маршалла и представителей Лозаннской школы (Маршалл, (1993), ч. I, с. 377; ч. III, с. 167 и др.; Вальрас (2000), с. 36-39. 228-229 и др.; Парето (2017), с. 44, 169 и др.). Когда же Менгер упоминает о бирже вообще (Менгер, (1993), с. 185, 210), он, как правило, говорит о ней наряду с другими пунктами концентрации оборота – базарами и ярмарками, или с перекупкой у крестьян хлеботорговцами (в России таких называли «кулаками»). Показательно также, что и о каменном угле Менгер упоминает наряду с торфом и дровами как товарами с «узкой областью сбыта», также не видя уже всемирного характера области сбыта железа и пшеницы (Менгер, (1993), с.207). В общем, в теории Менгера «вторая промышленная революция» не отразилась, так как Австрия его времени ещё не доросла до этой революции. В теории Э. Бём-Баверка, писавшего в 1880-е гг., «вторая промышленная революция» уже не могла не отразиться, - как-никак, «великая депрессия» 1873-1895 гг.

началась после сокрушительного кризиса, спровоцированного железнодорожным грондерством в Германии и Австрии, и Бём-Баверк упоминает о превращении железа в универсальный конструкционный материал (Бём-Баверк, (1993), с. 422) – но это особо не интересует автора концепции «окольных методов производства». Отрицание австрийцами равновесных цен, несомненно, связано с положительной ролью, которую они придавали *спекуляции* вообще, считая её способствующей устранению неэкономического образования цен.

Для последующей эволюции австрийской школы чрезвычайно характерно, что вышедший из неё Шумпетер, связав экономическую динамику с инновационной деятельностью предпринимателей, затем разрабатывал концепции «созидательного разрушения», «длинных волн» и «кластеров» во многом на материале второй промышленной революции. Но НЕОавстрийская школа скорректировала концепцию предпринимательства именно тем, что сменила фигуру «новатора» на «промоутера» или «арбитражёра». Чтобы не было прямых ассоциаций с техническими нововведениями. Но вовсе не смущаясь прямыми ассоциациями со спекулятивной деятельностью.

Между тем понятие «промоутер» (promoter) для обозначения специалиста-спекулянта по распространению ценных бумаг среди коммерческой и широкой публики стало обиходным в стране-лидере второй промышленной революции – США - именно во время этой революции (Кондратьев, (1926), стб. 255). Породившей «баронов-разбойников», трасты и спекулятивные слияния. На исходе первой в США «великой волны слияний и поглощений», подчинившей власти трастов целые отрасли промышленности, в том числе непосредственно порождённые второй промышленной революцией (рельсопрокатная, нефтяная, электротехническая, алюминиевая и т.д.), американский «австриец» Ф.Феттер (1863-1949) в своих «Принципах экономической науки» («The Principles of Economics», 1904) определил «промоутера» как того, кто обязуется преобразовать несколько не связанных между собой фабрик или заведений в траст или комбинацию, и тем самым реализацией экономических преимуществ крупных промышленных предприятий оказывает реальную услугу обществу (Fetter, (1905), p. 343).

Но вторая промышленная революция в США сформировала предпосылки общества массового потребления не только продовольственных², но и промышленных товаров с такими атрибутами, как массовое стандартизированное производство, профессиональная реклама, универмаги, витрины с ценниками и т.д. Поэтому маршаллианство с его принципом замещения и концепцией потребительского излишка не могло не пустить корни в Америке – и более глубоких, чем маржинализм в австрийском варианте.

² Рост ассортимента продуктов питания за 1885-1915 со 150 до 1000 наименований (Мальцев, (2012), с. 94).

В качестве резюме приведу выдержки из первого американского учебника Economics, переведённого в России, - The Principles of Economics Э. Селигмена (Зелигмана), который, соглашаясь с Маршаллом по существу, предлагал заменить понятие потребительского излишка понятием «прибавочной полезности потребителя» (surplus utility) (Зелигман, (1908), с. 172-173).

Изменение название с «политическая экономия» на economics «вызвано признанием научного характера за предметом – названия многих современных наук оканчиваются суффиксом ics, как, например, Physics, Mathematics.

«Экономическая жизнь 2-й половины XIX века была отмечена тремя крупными фактами – увеличением массового потребления, революцией в средствах сообщения и стремлением капитала к концентрации». «Революция в средствах сообщения открыла широкое поле для спекуляции и повела к более тщательному исследованию последней» (Зелигман, (1908), с. 107).

Литература

- Автономов В.С.(1993). Австрийская школа и её представители // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика.
- Автономов В.С. (2000). Вклад Альфреда Маршалла в экономическую теорию // История экономических учений. М.: ИНФРА-М.
- Анчишкин А.И. (1986). Наука. Техника. Экономика. М.: Наука.
- Бём-Баверк Э. (1993). Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб: «Экономическая школа».
- Блюмин (1962). Критика буржуазной политической экономии. Том 1. М.: изд-во АН СССР.
- Бродбери С., О'Рурк К. (2014). Введение // Кембриджская экономическая история Европы. Том 2. 1870- наши дни. ИИГ.
- Бухарин (1988). Политическая экономия рантье. М.: Орбита.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф.
- Гальперин В.М. (2000). Леон Вальрас // Экономическая школа. СПб. Вып. 5.
- Глин (2004). Марксистская экономическая теория // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М.
- Гулишамбаров С.И. (1898). Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Доден Г., Морис М., О'Рурк К.Х. (2014). Глобализация в 1870-1914 гг. // Кембриджская экономическая история Европы. Том 2. 1870- наши дни. ИИГ.
- Зелигман, (1908). Основы политической экономии. СПб.: Общественная польза.
- Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П. (2004) Предисловие // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М.
- Кондратьев Н.Д. (1926). Индустриализация С.Ш. // Энциклопедический словарь «Гранат». Том 41-VI. - М. : РИБ Гранат.
- Лангенбек В. (1927). История мировой торговли. М.-Л.: Госиздат.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // TERRA ECONOMICUS. № 1.
- Мак-Нил У. (2004). Восхождение Запада. К.: Ника-Центр. М.: Старклайт.
- Мальцев А.А. (2012). О возможных истоках кризиса экономической теории // Общественные науки и современность. № 6.

Маршалл А. (1993) Принципы экономической науки. М: ИГ «Прогресс» Универс
Менгер К. (1993). Основания политической экономии // Австрийская школа в
политической экономии. М.: Экономика.

Парето В. (2017). Учебник политической экономии. М.: РИОР. ИНФРА-М.

Синцеров Л.М. (2010). Революция на транспорте, в средствах связи и образование
мирового хозяйства // География мирового развития. Вып. 2. М.: Т-во научных изданий
КМК.

Синцеров Л.М. (2000). Длинные волны глобальной интеграции // Мировая
экономика и международные отношения. № 5.

Хикс Дж. Р. (1993). Реабилитация потребительского излишка // Теория
потребительского поведения и спроса / Под. ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая
школа.

Худокормов А.Г. (2012). Развитие экономической мысли через её периодические
кризисы. М.: ИЭ РАН.

Шейфер С. (1997). Точное измерение – это английская наука // Вопросы истории
естествознания и техники. 1997. № 2.

Шиппель М. (1998). Технический прогресс в современной промышленности // Пер.
с нем. Л.М. Зака. 2-е изд. Одесса : Южно-рус. о-во печ. дела.

Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. В 3 тт. СПб.:
Экономическая школа.

Эфроимсон В.П. (1997). Предпосылки гениальности // Человек. № 2.

Fetter F. (1905). The Principles of Economics New York: The Century Co.,

Hull J. (1999). The Second Industrial Revolution: The History of a Concept // Storia
Della Storiografia. Issue 36.